

Книги Орхана Памука

Джевдет-бей и сыновья

Дом тишины

Белая крепость

Черная книга

Новая жизнь

Имя мне — Красный

Другие цвета

Снег

Стамбул. Город воспоминаний

Музей Невинности

Наивный и сентиментальный
писатель

Мои странные мысли

Рыжеволосая Женщина

Чумные ночи

ОРХАН ПАМУК

ИМЯ МНЕ — КРАСНЫЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44
П 15

Orhan Pamuk
BENİM ADIM KIRMIZI
Copyright © 1998, İletişim Yayınları A. Ş.
All rights reserved

Перевод с турецкого Михаила Шарова
Оформление обложки Владимира Гусакова

Памук О.

П 15 Имя мне — Красный : роман / Орхан Памук ; пер. с тур.
М. Шарова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,
2026. — 608 с.

ISBN 978-5-389-30857-2

Четырем мастерам персидской миниатюры поручено проиллюстрировать тайную книгу для султана, дабы имя его и деяния обрели бессмертие и славу в веках. Однако по городу ходят слухи, что книга противоречит законам мусульманского мира, что сделана она по принципам венецианских безбожников и неосторожный свидетель, осмелившийся взглянуть на запретные страницы, неминуемо ослепнет. После жестокого убийства одного из художников становится ясно, что продолжать работу над заказом султана — смертельно опасно, а личность убийцы можно установить, лишь внимательно всмотревшись в замысловатые линии загадочного рисунка...

«Имя мне — Красный» — самый популярный роман Орхана Памука, известного турецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе.

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44

ISBN 978-5-389-30857-2

© М. С. Шаров, перевод, примечания, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

И вот вы убили душу и препирались о ней.

Коран, сура «Аль-Бакара», аят 72¹

Не сравнится слепой и зрячий.

Коран, сура «Фатьр», аят 19

Аллаху принадлежат и восток, и запад.

Коран, сура «Аль-Бакара», аят 115

¹ Здесь и далее Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского.

Я — мертвец

Я теперь мертвец, труп, лежащий на дне колодца. Я давно испустил свой последний вздох, давно остановилось мое сердце, но, кроме подлого убийцы, никто не знает, какая участь меня постигла. А он, мерзавец, хотел точно удостовериться, что прикончил меня: прислушался, не дышу ли, пощупал, не бьется ли пульс, потом пнул меня в бок, оттащил к колодцу, перевалил через край и сбросил вниз. Когда я долетел до дна, мой череп, и без того уже проломленный камнем, разлетелся на куски; лицо превратилось в месиво, не осталось ни лба, ни щек; кости переломались, рот наполнился кровью.

Вот уже четыре дня, как я не появлялся дома. Жена и дети сбились с ног, меня разыскивая. Дочка выплакала все глаза и все смотрит на садовую калитку, все домашние извелись от неизвестности и ждут, ждут, когда же я вернусь.

А может, никто и не ждет, я даже этого точно не знаю. Может, уже привыкли, что меня нет, — вот это было бы плохо. Ведь когда человек попадает сюда, ему начинает казаться, что там, в оставленной им жизни, все продолжает идти точно так же, как прежде. Что было до моего рождения? Бескрайняя бездна времени. И после моей смерти время будет длиться долго, бесконечно! Пока я был жив,

никогда об этом не задумывался, жил себе в полоске света между двумя безднами тьмы.

И я был счастлив, теперь-то я понимаю, что был счастлив. Теперь мне ясно: именно я делал самые лучшие книжные заставки в мастерской нашего султана, и не было там ни одного художника, чье мастерство могло бы сравниться с моим. Заказы со стороны приносили мне девятьсот акче в месяц. От мыслей обо всем этом смерть, разумеется, становится еще более невыносимой.

Я занимался только заставками и орнаментом, украшал края страниц золочеными рамками, а внутри рамок рисовал ветви деревьев, разноцветные листья, розы и другие цветы, птиц, курчавые облака в китайском стиле, красочные кущи и притаившихся в них газелей; и еще были на моих рисунках галеры, дворцы, падишахи, кони, охотники... Раньше я, бывало, брался расписывать тарелки; мог украсить рисунком обратную сторону зеркала, или ложку, или крышку сундука, а то и потолок какого-нибудь особняка или ялы¹ на Босфоре. Но в последние годы я расписывал только книжные страницы, потому что наш султан щедро платит за изящно украшенные книги. И знаете, я не могу сказать, что теперь, встретившись со смертью, понял, что деньги в жизни совершенно не важны. Даже мертвый человек знает, как важны деньги.

Знаю, знаю, что вы сейчас думаете, чудесным образом слыша голос мертвеца: брось ты хвастаться, сколько денег зарабатывал, пока жил! Говори, что *там* увидел! Расскажи, что бывает после смерти, про рай и про ад, Расскажи, где сейчас твоя душа, больно ли ей? Каково это — быть мертвецом? Да, вы правы. Я знаю, живым очень любопытно, что творится на том свете. Говорят, некий человек из одного только этого любопытства бродил по полям крова-

¹ Ялы — особняк, стоящий на берегу моря и имеющий собственную пристань. — Здесь и далее примечания переводчика.

вых сражений среди распростертых тел: хотел найти между ранеными, пытающимися одолеть смерть, такого, кто уже умер, а потом ожил, и расспросить его о тайнах иного мира. Воины Тимура приняли его за врага, один из них ударом меча разрубил его надвое — и бедняга решил, что на том свете человек разделяется на две половины.

Ничего подобного. Более того, могу вам сказать, что здесь раздвоенная при жизни душа вновь становится единым целым. Иной мир, хвала Всевышнему, существует, что бы там ни говорили неверные, безбожники и соvrащенные шайтаном богохульники. И вот доказательство: я говорю с вами оттуда. Я умер, однако, как видите, не превратился в ничто. Правда, должен признаться, что ни золотых, ни серебряных дворцов, что стоят на берегах райских рек, ни широколистных деревьев, склоняющихся от тяжести спелых плодов, ни прекрасных дев, о которых говорится в Коране, в суре «Аль-Вакиа», я не видел. А ведь сколько раз и с каким удовольствием рисовал я райских гурий с огромными глазами — как сейчас помню! И четырех рек, текущих молоком, медом, вином и сладкой водой, о которых написано пусть и не в Коране, а у неуемных фантазеров вроде Ибн Араби¹, я тоже, разумеется, не узрел. Однако мне не хотелось бы ввергать в неверие живущих мечтами о том свете и надеждой на него, поэтому сразу скажу: все это объясняется положением, в котором я сейчас нахожусь. Всякий правоверный, который хоть что-нибудь слышал о жизни после смерти, согласится, что не нашедшей упокоения душе вроде моей весьма затруднительно было бы увидеть райские реки.

Если говорить кратко, то суть вот в чем: человек, известный в мастерской и среди художников как Зариф-эфенди, умер, но не был похоронен, а потому его душа не смогла

¹ *Ибн Араби* (1165–1240) — исламский богослов, крупнейший представитель и теоретик суфизма.

окончательно расстаться с телом. Для того чтобы моя душа попала в рай или в ад — смотря что ей уготовано, — она должна освободиться от бранных моих останков. Нынешнее мое исключительное положение, в которое, впрочем, случалось попадать и другим людям, причиняет душе страшную боль. Нет, я не ощущаю, что мой череп расколот, кости переломаны, а изувеченное тело гниет, погруженное наполовину в ледяную воду; но зато я чувствую, как тяжело страдает моя душа, пытающаяся выбраться из тела: словно весь мир сжимается внутри меня, чтобы уместиться в каком-нибудь тесном уголке.

Это ощущение тесноты я могу сравнить лишь с поразительным чувством простора, которое испытал в бесподобный миг смерти. Когда этот подлец неожиданным ударом камня раскроил мне череп, я сразу понял, что он хочет меня убить, — но не поверил, что это ему удастся. Оказывается, я был полон надежд на лучшее, хотя никогда не замечал этого, пока жил своей блеклой жизнью между мастерской и домом. Я цеплялся за жизнь ногтями и зубами — даже укусил его. Не буду утомлять вас рассказом о том, какую боль я испытал, когда он нанес мне еще несколько ударов по голове.

Когда же я с тоской понял, что умираю, меня охватило невероятное ощущение простора. С этим ощущением я и перешел в иной мир, и было это так, как бывает, когда во сне видишь самого себя спящим. Последнее, что явилось моему взору, были забрызганные грязью туфли подлого убийцы. Затем я закрыл глаза, словно уснул, и тихо, плавно перешел границу жизни и смерти.

Я не жалею о том, что выбитые зубы, словно каленый горох, забили мой окровавленный рот, что лицо мое изуродовано до неузнаваемости, что я валяюсь на дне колодца; но то плохо, что меня до сих пор считают живым. Те, кто меня любит, постоянно вспоминают обо мне и думают, что я, наверное, сейчас предаюсь дурацким развлечениям в ка-

ком-нибудь уголке Стамбула, а может быть, даже связался с другой женщиной, — вот что терзает мою неупокоенную душу. Быстрее бы нашли мое тело, совершили заупокойный намаз и предали бы меня наконец земле! А самое главное — пусть найдут убийцу! Знайте: даже если меня похоронят на самом великолепном кладбище, я все равно буду ждать, беспокойно ворочаясь под землей и заражая вас неверием, пока не разыщут этого мерзавца. Найдите это отродье шлюхи, и я во всех подробностях расскажу о том, что увижу в ином мире! И учтите, что, когда убийца будет найден, его нужно будет подвергнуть пыткам, разможить ему тисками с десяток костей, лучше всего тех, что в груди, — медленно-медленно, чтобы трещали; а потом пусть вырвут его мерзкие сальные волосы, прядь за прядью, разодрав всю кожу на голове, пока он будет заходиться криком.

Кто он такой, этот убийца, которого я так ненавижу? Зачем он так предательски со мной поступил? Вам следует это выяснить. Вы говорите, что в мире полно мерзавцев и злодеев, так что какая разница, кто меня убил? Тогда я должен предупредить вас вот о чем: за моей смертью таится ужасная угроза нашей вере, нашим традициям, нашим взглядам на мир. Откройте глаза и попытайтесь понять, зачем меня убили враги ислама и нашего образа жизни, в правильности которого вы убеждены, — ведь однажды они с теми же целями могут убить и вас. Сбываются, в точности сбываются слова великого проповедника ходжи Нусрета из Эрзурума, которые я слушал со слезами на глазах! И вот что еще я вам скажу: если о том, что происходит с нами, написать книгу, то ни один даже самый искусный художник не сможет сделать к ней иллюстрации. Как и в случае с Кораном — только не поймите меня неправильно! — могучая сила этой книги будет проистекать именно из того, что ее невозможно сопроводить рисунками. Сомневаюсь, впрочем, что вы смогли понять, о чем я говорю.

Но подумайте вот о чем: сам я в ученические годы боялся голоса истины, исходящего из глубин бытия, с другой его стороны, а оттого старался не обращать на такие вещи внимания, смеялся над ними. И вот чем все закончилось: дном паршивого этого колодца! С вами тоже может случиться подобное, так что будьте начеку. А мне теперь ничего не осталось — только надеяться, что меня найдут по гадкому запаху, когда я уже порядком подгнию. Да еще мечтать о том, что какой-нибудь добрый человек, отыскав моего убийцу, подвергнет его пыткам.

Меня зовут Карá¹

Двенадцать лет я не был в Стамбуле, городе, в котором родился и вырос, и сейчас вошел в него, чувствуя себя так, словно хожу во сне. Про покойников говорят, что их призвала к себе земля, меня же призвала в Стамбул смерть. Поначалу я думал, что дело только в смерти, но потом встретился с любовью. Однако в тот миг, когда я входил в город, любовь была так же далека и полузабыта, как годы, прожитые здесь. Двенадцать лет назад в Стамбуле я влюбился в дочь моей тети по матери, тогда совсем еще маленькую девочку.

Покинув Стамбул, я только через четыре года вдруг понял, что, пока разъезжал, развозя письма и собирая налоги, по стране персов, по бескрайним ее степям, по заснеженным горам и печальным городам, я постепенно забыл лицо своей юной возлюбленной. Меня охватило смятение; я изо всех сил пытался вспомнить его, но в конце концов понял, что, как бы сильно ты ни любил, нельзя не забыть, как выглядит человек, если совсем его не видишь. Через шесть лет жизни на Востоке, через шесть лет, проведенных на службе у пашей, в разъездах и над бумагами, я уже знал, что лицо, которое я рисовал себе в мечтах, не было лицом моей стамбульской возлюбленной. На восьмой год я забыл

¹ Черный (тур.).

и это лицо и, пытаясь вспомнить его, видел уже совершенно другой образ. И вот теперь, по прошествии двенадцати лет, вернувшись в родной город тридцатишестилетним мужчиной, я с горечью понимал, что давным-давно уже не помню лица любимой.

Почти все мои друзья, родственники, знакомые по кварталу за эти двенадцать лет умерли. Я пошел на кладбище над Золотым Рогом, помолился на могиле матери и умерших в мое отсутствие дядей, братьев отца. Запах влажной земли смешался с воспоминаниями; рядом с могилой матери кто-то разбил кувшин, и я, глядя на осколки, отчего-то вдруг расплакался. Сам не знаю, что я оплакивал: то ли умерших, то ли себя самого, после стольких лет странствий непостижимым образом вновь оказавшегося в начале жизненного пути, — а может быть, наоборот, плакал я оттого, что чувствовал: путь этот подходит к концу. Пошел тихий снег. Я встал и двинулся прочь, глядя на кружащиеся в воздухе редкие снежинки и размышляя о том, что все в моей жизни так же случайно, как их полет; забрел в дальний угол кладбища и вдруг остановился, увидев, что из темноты на меня смотрит черная собака.

Я перестал плакать, вытер нос. Черная собака дружелюбно помахала мне хвостом, и я зашагал к выходу с кладбища. Потом отправился в свой старый квартал и снял там дом, в котором когда-то жил один мой родственник с отцовской стороны. Нынешняя хозяйка дома сказала, что я похож на ее сына, убитого в бою с армией Сефевидов. Мы договорились, что она будет прибираться в доме и готовить мне еду.

Потом я вышел прогуляться и долго бродил по улицам, словно не в Стамбул вернулся, а остановился на время в одном из арабских городов на другом краю света и хотел узнать, на что этот город похож. В самом ли деле улицы стали уже, или это просто мне показалось? На некоторых улочках, теснимых домами, словно бы пытающимися до-

тянуться друг до друга, мне приходилось то и дело прижиматься к стенам и дверям, чтобы пропустить навьюченных лошадей. В самом ли деле в городе стало больше богатых людей или это тоже мне показалось? Я видел такую роскошную карету, каких нет ни в Аравии, ни в стране персов: она была похожа на крепость, влекомую горделивыми конями. Рядом с Чемберлиташем я повстречал двух бесстыжих, вонючих нищих, одетых в тряпье и бредущих в обнимку с улицы Тавукпазары. Один из них был слеп; улыбаясь, смотрел он на падающий снег своими пустыми глазницами.

Если бы мне сказали, что раньше Стамбул был беднее и меньше, но счастливее, я бы, наверное, не поверил — но то же самое говорило мне и мое сердце. Ведь дом моей любимой, как и прежде, был окружен липами и каштанами, только вот когда я постучался в дверь, оказалось, что там живут другие люди. Мама моей любимой, моя тетьа, умерла, а ее муж с дочерью переехали в другое место, причем, как рассказали мне новые жильцы, не подозревая, до чего больно их слова ранят мое сердце, им пришлось пережить немало несчастий. Я не буду сейчас говорить вам, что это были за несчастья, скажу только, что на ветвях лип висели сосульки длиной с мизинец и старый сад, который я помнил полным зелени и солнечного света, каким он бывал в жаркие летние дни, теперь, неухоженный и засыпанный снегом, наводил на мысли о смерти.

Впрочем, о том, какие несчастья случились с моими родственниками, я уже отчасти знал из письма мужа моей тети, которое он написал мне в Тебриз. В этом письме он звал меня в Стамбул; извещал, что готовит для султана тайную книгу и хочет, чтобы я ему помог. Он слышал, что в Тебризе мне случалось заказывать книги для османских пашей, наместников и книгочеев из Стамбула. И правда, я заказывал книги: взяв у покупателя деньги вперед, находил в Тебризе художников и каллиграфов, пребывающих

в бедственном положении из-за войн и притеснений со стороны османских военных, но не уехавших еще в Казвин или какой-нибудь другой персидский город, поручал этим большим мастерам, страдающим от безденежья и равнодушия к их искусству, писать книгу, украшать ее иллюстрациями и переплетать, а потом посылал ее в Стамбул. Занимался я этим только потому, что, когда я был юн, дядя привил мне любовь к рисункам и красивым книгам.

На улице, где когда-то жил Эниште¹ (я всегда так называл тетиного мужа), на том ее конце, что выходит к рынку, стояла, как прежде, цирюльня — те же зеркала, бритвы, кувшины, связки кусков мыла. И цирюльник был тот же самый. Мы встретились с ним глазами, но я не уверен, что он меня узнал. Кувшин с горячей водой для мытья головы, покачивающийся взад-вперед на свисающей с потолка цепи, совершал все то же дугообразное движение, что и много лет назад, — увидев это, я немного повеселел.

Некоторые кварталы и улицы, по которым я ходил в юности, за двенадцать лет повыгорели, превратились в дым и золу; на местах, где стояли дома, теперь были пепелища, по которым лучше не ходить, если не хочешь повстречать злобных бродячих собак или какого-нибудь сумасшедшего — из тех, которых так боятся дети. А кое-где выросли особняки, своим богатством поражающие приехавших издалека людей вроде меня. У некоторых из них окна застеклены были очень дорогим разноцветным венецианским стеклом. Кроме того, заметил я, за двенадцать лет, что меня не было в Стамбуле, здесь появилось много богатых двухэтажных домов, вторые этажи которых нависали над высокими оградами.

Как и во многих других городах, деньги в Стамбуле потеряли теперь всякую стоимость. В пекарнях, где до моего отъезда на Восток за один акче можно было купить огром-

¹ Муж родственницы (тур.).

ный хлеб весом в четыреста дирхемов¹, теперь за ту же цену продавали хлебец вдвое меньшего размера, никак не напоминавший вкусом тот, что я ел в детстве. Если бы покойная мама увидела, что за дюжину яиц нужно отсчитать три акче, то сказала бы, что пора бежать в другие края, пока куры, совсем обнаглев, не принялись гадить нам на головы. Я, впрочем, знал, что деньги обесценились повсюду. Поговаривали, что торговые суда, приплывающие из Голландии и Венеции, полны сундуками с поддельными монетами. Если раньше на монетном дворе из ста дирхемов серебра чеканили пятьсот акче, то теперь, из-за бесконечных войн с Сефевидами, стали чеканить восемьсот. Когда янычары, обронив в Золотой Рог несколько акче из полученного жалованья, увидели, что монеты плавают по воде, будто сухая фасоль, просыпавшаяся в море при погрузке на корабль, они подняли бунт и осадили дворец султана, словно вражескую крепость.

В эти дни бесстыдства, дороговизны, убийств и грабежей приобрел известность проповедник Нусрет, подвизавшийся при мечети Баязида и утверждавший, что происходит из рода пророка Мухаммеда. Проповедник этот, приехавший, как говорили, из Эрзурума, объяснял все беды, постигшие Стамбул в последние десять лет: пожары в Бахчекапы и квартале Казанджылар; вспышки чумы, каждый раз уносящие десятки тысяч жизней; войны с Сефевидами, которые все никак не закончатся, несмотря на бесчисленные людские потери; восстания христиан, отбивающих небольшие османские крепости на Западе, — тем, что мы свернули с пути пророка Мухаммеда и позабыли заповеди Корана, что дервиши в своих текке² играют на музыкальных инструментах, а терпимость к христианам дошла до того, что в городе свободно торгуют вином.

¹ Дирхем — мера веса, равная 3,12 г.

² Текке — дервишская обитель.

Торговец соленьями, взволнованно поведавший мне о проповеднике из Эрзурума, говорил и о деньгах: по его словам, все эти наводнившие рынки поддельные монеты, новые венецианские дукаты, поддельные флорины со львами да акче, в которых серебра все меньше и меньше, подталкивают человека к пучине полного разврата — точно-точно как заполонившие улицы черкесы, абхазы, мингрелы, босняки, грузины и армяне. Развратники и мятежники, говорил он, собираются в кофейнях и до утра чешут языками. Голодранцы с темным прошлым, накурившиеся опиума безумцы и недобитки из календерий¹ до рассвета пляшут в текке, уверяя, что это и есть путь Аллаха, тычут туда-сюда железными штырями, творят всякие непотребства и совокупляются друг с другом и с маленькими мальчиками.

А потом то ли услышал я нежный напев уда², позвавший меня за собой, то ли мне стало не по себе от ядовитых речей торговца, и мой смятенный разум, переполненный воспоминаниями и желаниями, указал мне путь к спасению, — не знаю. Знаю я вот что: если вы любите город, если много ходили по нему, то через годы подобных хождений его улицы становятся так хорошо знакомы не только вашей душе, но и телу, что в минуту грусти, когда в воздухе печально кружит снег, ноги сами выведут вас на любимый холм.

Вот и я, уйдя с Кузнечного рынка, поднялся к мечети Сулейманийе. Стоя рядом с мечетью, я смотрел, как снег падает на Золотой Рог и окрестности; он уже прикрывал те стороны крыш и куполов, что были обращены к пойразу³. Хлопали на ветру, словно приветствуя меня, спускающиеся паруса заходящего в порт судна; цвет парусов был такой

¹ *Календерийе* — дервишский тарикат (орден), который власти Османской империи в XVI в. подвергли преследованиям и запретили.

² *Уд* — струнный щипковый инструмент.

³ *Пойраз* — северо-восточный ветер.

же, как у воды залива, — туманно-свинцовый. Кипарисы, чинары и крыши, вечерняя печаль, уличный шум, доносящийся из кварталов ниже по склону, крики торговцев и голоса играющих во дворе мечети детей — все это слилось в моей голове воедино, и я понял, что больше уже не смогу жить нигде, кроме моего города. На какое-то мгновение мне показалось, что еще чуть-чуть — и я увижу забытое много лет назад лицо возлюбленной.

Я спустился вниз по склону и смешался с толпой. После вечернего азана¹ зашел в пустую лавку торговца жареной печенкой и как следует наелся, внимательно слушая рассказы хозяина, который кормил меня, словно кошку, с нежностью глядя на поедаемые мной кусочки. А говорил он об одной кофейне, и услышанное возбудило во мне такое любопытство, что я попросил рассказать, как туда добратся, и, выйдя на улицу, где совсем уже стемнело, свернул в узкий проулок за Невольничьим рынком.

В кофейне было жарко, народу много. У очага на возвышении расположился рассказчик-меддах — я видел таких в Тебризе и других персидских поселениях, только там их называют пердедарами. Рядом с собой он повесил лист грубой бумаги, на котором небрежно, но мастерски была нарисована собака, и вел рассказ от ее, собаки, лица, время от времени указывая рукой на рисунок.

¹ Азан — призыв к молитве.

Как видите, зубы у меня такие острые и длинные, что еле помещаются в пасти. Я знаю, что из-за этого у меня устрашающий вид, но мне это нравится. Один мясник как-то раз, взглянув на мои зубы, сказал: «Да это не собака, а свинья какая-то!» Я его так куснула, что почувствовала остриями клыков твердую кость под жирным мясом ляжки. Для собаки нет большего наслаждения, чем в искренней злобе и ярости запустить зубы в плоть гнусного врага. Когда мне выпадает такая возможность, когда моя жертва, заслуживающая того, чтобы быть покусанной, бесечно проходит мимо, у меня от удовольствия темнеет в глазах, зубы начинают тихонько ныть, во рту словно бы появляется оскомина, а из глотки помимо моей воли рвется пугающее вас рычание.

Да, я собака, и вы, не будучи столь же разумными существами, спрашиваете: разве собаки могут разговаривать? А сами при этом, похоже, верите в истинность историй, в которых говорят мертвецы, а герои произносят слова, которых знать не знают. Собаки разговаривают — но только с теми, кто умеет слушать.

Давным-давно в тридевятom государстве, в самой его столице, была большая мечеть — назовем ее мечетью Баязида. И вот однажды явился в эту мечеть начинающий про-

поведник из далекого города. Настоящее его имя, наверное, называть не стоит — пусть будет ходжа¹ Хусрет, — но больше не солжем ни словом: недалекого ума был этот проповедник. Однако пусть и был он обделен умом, зато язык у него, хвала Аллаху, был подвешен лучше некуда. Каждую пятницу он так распялял собравшихся в мечети, что те начинали рыдать, а некоторые даже лишались чувств. Только не думайте, что и сам он, как многие другие красноречивые проповедники, пускал слезу: напротив, когда все рыдали, он и бровью не вел и еще суровой обличал внимавших ему. Надо полагать, из-за любви к обличениям все торговцы халвой и овощами, дворцовые стражи, простонародье и даже многие проповедники стали верными рабами этого человека. А тот, не будучи, разумеется, собакой, был истинным сыном человеческим: восхищение толпы сильно вскружило ему голову, а потом он обнаружил, что стращать людей не менее приятно, чем заставлять их плакать, да и заработать на этом можно больше.

И вот, совсем потеряв чувство меры, начал он вещать: «Единственная причина дороговизны, чумы, поражений в войнах заключается в том, что мы забыли ислам времен Пророка, стали верить иным книгам и всякой лжи, решив, что это и есть ислам. Разве во времена Пророка молились за умерших? Разве отмечали сорок дней после смерти, раздавая халву и сладкие пирожки за упокой души? Разве во времена Мухаммеда читали священный Коран нараспев да на разные лады? Разве принято было, забравшись на минарет, упиваться своим голосом и жеманничать, словно играя женскую роль: слушайте, мол, как точно выговариваю я арабские слова, как я изящно выпеваю азан! Мусульмане ходят на кладбища молиться мертвым, ждут от них помощи, припадают к камням гробниц, словно идо-

¹ Ходжа — духовное лицо; человек, получивший образование в медресе (мусульманской школе).

ОРХАН ПАМУК

ИМЯ МНЕ — КРАСНЫЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Шнитникова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.10.2025.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 35,34. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-OPB-40866-01-R